

ДЕСЯТКА

В пятницу позвонила мне Раиса Степановна, этакая полная с тройным подбородком женщина, председатель районного отдела общества «Знание», и, как всегда, задыхаясь от астмы, приглушенным голосом сообщила, что есть возможность подзаработать: в субботу вечером в селе Заречное запланирован вечер поэзии, который мне следует провести. И для меня на этот раз сделано исключение: выделены две путевки.

Настроение поднялось, ведь всего за пару часов я положу в карман «десятку». Если учесть, что среднемесячная зарплата по стране в то время не превышала 80–85 рублей, то согласитесь, прибавка существенная. Тем более что в последние дни у меня туговато было с деньгами, все никак не мог из долговой ямы выбраться, вот уже третий месяц не удавалось выкроить три рубля, чтобы отдать занятую сумму, соседу по коммуналке Николаю Сайгушеву.

Вот и сегодня в кармане всего несколько копеек имелось. Подсчитал, на обратную дорогу не хватит. Это я к тому, что может «вечер» и сорваться и тогда придется с пустыми карманами возвращаться домой.

Вот и решай — ехать или нет? Дорога не близкая, и в случае, если председатель колхоза народ на полях задержит, особой радости не доставит семь километров обратно топать. К тому же и погода не ахти какая, все утро моросит и небо заложено чернобагровыми тучами, вот-вот прорвёт.

А заранее узнать нет никакой возможности, в селе только один телефон в кабинете председателя, куда он лишь при надобности заходит.

Вот и получается — не ехать, значит, наверняка без «десятки» остаться, да и Раису Степановну подвести можно. Председатель колхоза Василий Петрович, ушлый такой, узнает, что «лектор» не приезжал, сразу начнет права качать: народ, мол, собрали, сидели, ждали... Эх, была не была! Наскоро одеваюсь, хватаю зонтик и айда на автовокзал.

По дороге в Заречное водитель автобуса ошарашил пассажиров: проезжая по селу Саблино, воскликнул:

— О! Десять копеек валяются, сейчас подберем!

«Ничего себе зрение!» — удивился я. И пассажиры в недоумении стали друг на друга поглядывать, словно бы убедиться желали, что не ослышались. А водитель, проехав ещё несколько метров, притормозил перед мужчиной, который стоял у обочины с поднятой рукой. Оказывается, за долгие годы работы водитель запомнил маршрут каждого потенциального пассажира и теперь смотрит на людей сквозь призму получаемого дохода. Иван — это 15 копеек, Людмила — 25 и так далее.

Появилось село Заречное, и у меня сердце затрепетало. Ещё пару минут — и предполагаемое оживление у сельского клуба ответит на терзающий меня вопрос. Но, у клуба ни души. И на доске мероприятий у входа никакого объявления нет. Подхожу к клубу, и все ещё не верится, думаю, вот сейчас открою дверь, а там полно народу — меня ждут, и тут же молоденькие колхозницы начнут трепетно и очаровано меня разглядывать. А может быть, и аплодисменты последуют — авансом.

Поднимаюсь по пыльным каменным, заросшим мхом, ступенькам, и, приближаясь к массивной двери, с опаской ропщу себе под нос: «Может, и дверь наглухо закрыта?»

Но нет, со скрипом, но открывается.

Увы, на этом моё настроение, не успев подняться, окончательно падает. В узком коридоре клуба растаяла моя последняя надежда, там в безмолвной тишине царил полумрак, лишь две лампочки мерцали: первая у двери и вторая, едва видная в конце коридора под потолком.

И абсолютное спокойствие, как в аптеке, когда в очереди женщин нет.

Вдоль стен по коридору с обеих сторон расположены глухие, с ободранной краской, то ли серого, то ли голубого цвета, двери. Подхожу к первой — заперта. Прохожу дальше с недовольной, кислой миной на лице и по очереди за ручки хватаюсь. С уменьшением количества дверей, на нет сходит и надежда на комфортабельное возвращение домой.

Теперь уже хочется, хотя бы кому-нибудь, в глаза с укоризной посмотреть, прежде чем выйти на большую дорогу и браво маршировать, напевая песенку индийского бродяги из фильма “Господин 420” — Аварая-у-у-у.

Передо мной последняя дверь. Я затаил дыхание и прислонил ухо — прислушиваюсь. Что там за дверью творится? Есть ли хотя бы одна душа живая? Но... ни звука, полная тишина. Теперь уже без всякой надежды сердито сжимаю ручку и что есть силы тяну её на себя.

На этот раз дверь, (О боже, какое счастье!) подаётся и постепенно открывается, обнажая внутренний интерьер небольшой комнаты. Напротив стоит, заняв половину комнаты, рабочий стол заваленный папками и подшивками пожелтевших газет и журналов. А за столом сидит женщина неопределенного возраста с копной растрепанных волос, свисавших ей на лицо. Она прищурил глаза, не отвечая на моё приветствие, спрашивает: — Карапетян? И, услышав утвердительный ответ, радостно встает с места и начинает щебетать: — Уж вы извините нас, так получилось, кукуруза не убрана, а на завтра обещают ливень. Нам так неловко, и Василий Петрович просил от своего имени, он еще позвонит Раисе Степановне. Мы так ждали вас. Нам о вас из «ХХ съезда» (Не путать! Так село называется) рассказали. Им очень понравилось, они просто в восторге, и мы мечтали этот восторг пережить, на собственной шкуре испытать восторженное состояние от общения с вами.

Стою подавленный, поёживаюсь от холода и скрашиваю её речь словами «ничего, бывает», «я вас понимаю», а про себя думаю: «Хотя бы чаем угостила, сесть пригласила, а потом всю эту ерунду порола». Но вот она запнулась и, словно бы что-то вспомнив, спросила:

- Путевки у вас с собой?
- Да.
- Как хорошо, давайте сюда.

Достаю путёвки и, подойдя к столу, кладу перед ней два красочно оформленных листа. Она же, не обращая на меня внимания, начинает торопливо их заполнять. Затем достает амбарную книгу, вносит туда номера путевок, добавляет мою фамилию и оборачивается ко мне:

— Вот здесь распишитесь.

Услышав это, я мысленно возмутился: «Ну это уже хамство высшей степени. Ей бы лишь галочку поставить, а там хоть трава не расти, главное, отчитаться о проделанной работе. Мне-то, что с этого?»

Мелькнуло в голове желание не подписывать. «Ну, не подпишу, — продолжаю я размышлять, — как только выйду за дверь, она вместо меня распишется — и дело с концом. Кому какое дело, был литературный вечер или нет!»

А потому потухшим голосом спрашиваю её:

— Где нужно расписаться? — хотя вижу свободное место для подписи.

Она, не торопясь, выбирает среди ручек в почерневшем от времени граненом стакане карандаш и подчёркивает им место, где я должен расписаться.

Я ставлю свой внушительный автограф и решительно разворачиваюсь, чтобы как можно скорее покинуть это неприветное место, выйти наружу и глотнуть свежего воздуха.

Вдруг слышу за спиной:

— Куда же вы, подождите!

Я, с трудом сдерживая себя, оборачиваюсь, так и тянет рывкнуть:

— Где-то ещё нужно расписаться?

И действительно, следующим движением она открывает сейф и, чертыхаясь и вспоминая кого-то недобрым словом, начинает копать-ся и переставлять папки с места на место. Наконец, она выудила из сейфа нужную амбарную книгу и принялась её листать.

Я, опережая события, беру ручку в руки, чтобы как можно быстрее выполнить очередную прихоть этой, как подумалось мне, (другого слов и не подберу) бестактной женщины. А она не обращая внимания на моё мрачное настроение, продолжает листать амбарную книгу, время от времени слюнявя пальцы. Эта канитель затягивается и грозит вывести меня из терпения. В голове вертится мысль: «А не сказать ли ей, мол, потом сами распишетесь, у меня нет возражений и, не прощаясь, уйти. Мне ведь теперь топать и топать».

И только я начал вполголоса мямлить задуманную фразу, как она открывает очередную страницу, на которой лежат две новенькие купюры достоинством по пять рублей каждая. Она берёт их в руки, умело прощупывает, не прилипли ли снизу ещё, и протягивает мне.

— Как! — опешил я.

— Вы уж простите нас, — продолжает она извиняться, — так получилось, нам крайне неловко...

И... торопливо пропихивает две «пятерки» в мою ладонь.

Но я не слышу её. Нашупав в руках инородное тело, пытаюсь осмыслить происходящее, продолжая лихорадочно шевелить мозговыми извилинами, расположенными в голове, выдавливаю из себя, — так я могу идти?

— Конечно, конечно. И простите нас, но мы вас обязательно ещё пригласим.

Я разулыбался, закивал головой, мол, всегда к вашим услугам и осторожно прикрыл за собой дверь.

«Ну и чудо!» — не пытаюсь скрыть своего восторга, воскликнул я, спускаясь по каменным ступенькам и ощущая всем телом две новенькие купюры в кармане...

Такая вот история приключилась со мной. А ещё говорят, чудес не бывает. Нет, бывают чудеса. И я этому свидетель!

Я И ЛЕОНИД ИЛЬИЧ БРЕЖНЕВ

1. Книга «Возрождение»

В 1978 году началась литературная эпопея генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева. К тому времени он уже являлся обладателем всех советских премий и наград, кроме одной —

Ленинской премии по литературе. Это оказалось серьезным прочетом литературных боссов, и они принялись озабоченно чесать затылки, так как промедление предвещало серьезные последствия, вплоть до потери самых главных кресел на литературном Олимпе страны Советов.

И... Леонид Ильич стал писателем. Выяснилось, что наш лидер долгие годы скрывал, вернее, не раскрывал до поры до времени своего писательского дара. И вот время настало.

Я представляю, как редакторы элитной прессы, вернувшись из Кремля, после совещания, организованного отделом агитации и пропаганды ЦК КПСС с условным названием «Роль произведений генерального в патриотическом воспитании подрастающего поколения в условиях развитого социализма» принялись с удвоенной энергией заполнять первые страницы своих изданий фотографиями «горячо любимого». И вот генеральный предстает перед нами в разных позах: и в профиль, и анфас, и сверху, и снизу. И сам он сосредоточен, находится в размышлениях, как озаглавить следующую часть, в которой он красноречиво опишет упущенные возможности в прошлом и возможные упущения в будущем.

И меня пригласили на совещание (а как же!), но не в ЦК КПСС, а в кабинет начальника политотдела нашего гарнизона, облепленного фотографиями с дебильными рожами отличников боевой и политической подготовки. А пригласили постольку, поскольку я в то время проходил срочную службу и пребывал в ранге комсорга батальона связи.

На столе у майора среди затасканных почерневших книжек, вышалась горка новеньких, со знакомым портретом на обложке,

книг. Майор Кислицин робко поглаживая глянцевою обложку верхней книги, напрягаясь и краснея, доходчиво, с редкими матюками, поскольку считался культурным офицером, рассказал, как важно донести до каждого солдата значимость каждой строчки этих эпических произведений.

Мы поняли поставленную задачу и разошлись по частям, засунув за сапоги по одной книжке. Мне досталась книга, и не книга вовсе, а худенькая брошюра под названием «Возрождение». Прочитал я её в один присест, как говорится, на одном дыхании, поразмышлял с какою-то боку к ней приспособиться. И додумался. А дайка я спектакль по этой книге поставлю. Сам себе сказал я, и эта мысль мне понравилась.

— Выходит, — продолжаю я развивать приятную мысль, — генеральный секретарь моим соавтором станет?! А согласится ли? Ну, если я не против, то чего ему артачиться?

2. Телеграмма

А это можно легко проверить. Я отправился в столовую, к моему земляку Мовсесяну Грикору, он хлеборезом там устроился. Мы его Моссо звали. У него на складе под полками на все случаи жизни цивильная, гражданская одежда имелась, и размер какой-то особый, каждому солдату впору. Неважно, у тебя рост два метра или полтора — оденешь и, как раз, словно по тебе сшита. Кому надо в город, понятно, речь шла об особо избранных, то наведывались к нему, переодевались и через забор. А там — гуляй, Вася, на все четыре стороны.

Моссо сидел на деревянной бочке и на гитаре брэнчал. Он виртуоз у нас, лучше Никколо Паганини играет, но слишком нервный был и поэтому у гитары всего три струны остались. В силу этого обстоятельства она более на балалайку стала походить, но больших размеров, а балалайку Моссо ещё не освоил и поэтому перевернув гитару, он ловко отбивал толстыми пальцами танцевальный ритм армянского искрометного танца «Кочари».

Увидев меня, он кивнул головой в сторону полки с готовыми бутербродами (для гостей), но я вежливо отказался от масла с хлебом и чесноком, наскоро нахлобучив на себя припрятанную одежду, сиганул через забор. Осмотрелся и бодро зашагал в сторону центральной почты.

На почте тишина, как в аптеке, только красна девица скучает. Высунувшись из окошка, за мной наблюдает, как я на бланке телеграммы свои каракули вывожу.

Значит так, — разговариваю я сам с собой, — в первую очередь запишем адрес. Москва, ЦК КПСС, Отдел агитации и пропаганды. И текст «Прошу вашего содействия согласовать с автором произведения “Возрождение” генеральным секретарем ЦК КПСС Леонидом Ильичом Брежневым возможность поставить спектакль по одноимённой книге». И подпись: комсорг батальона связи № 352 сержант Карапетян.

Красна девица вылупила глаза, ничего не поймёт. Наконец, молвила сладостным голосом.

— Вы что, в Москву посылаете?

— Ну, да.

— А где улица? И кто получатель?

— Ты не волнуйся, посылай, в Москве разберутся.

— Ну, не знаю, как бы обратно не вернулась. Вы деньги потеряете и мне попадёт. На прошлой неделе только выговор получила, теперь ещё один влепят.

Я занервничал:

— Телеграмма точно не вернется обратно, я ручаюсь. Посылай.

— А кто получать должен? Там же расписаться надо, что получили. Выходит, как «на деревню дедушке». Нет, я посылать не буду, надо сначала начальнику показать, только он бюллетенит, и не знаю, когда он на работу выйдет.

— А что с ним случилось?

— Да ничего не случилось, сено косит в деревне, он из Желтого Яра.

— Эээ, он долго будет болеть, сенокос только начался, — не на шутку переполошился я и перешел в наступление:

— Голубушка, учти, эту телеграмму ждут в Москве. Если я командиру доложу, как ты заупрямилась, он в райком позвонит, и ты точно работу потеряешь, тем более, что один выговор у тебя уже есть.

Девушка растерялась, побледнела:

— Так что же мне делать?

— Посылай, ты что, телеграммы никогда не посылала?

— Да, каждый день. Но там либо свадьба, либо похороны, а здесь непонятно что.

— Как хочешь, я могу и уйти, но помни, я предупреждал тебя.

— Ладно, давайте телеграмму.

Девушка взяла исписанный мною бланк, стала считать, прибавлять, отнимать, делить. И сообщила:

— С вас один рубль пятнадцать копеек.

Теперь настала очередь мне бледнеть. «А денегто хватит?», — мелькнуло в голове. Стал выгружать мелочь из карманов и осторожно

столбиками складывать, что опять вызвало подозрение у красной девицы. Она обиженным тоном спросила:

— Что, вам и денег не дали на телеграмму?

— Давали, но я отказался, — гордо заявил я.

Но, слава богу, насчитал я эту сумму, получил квитанцию и прямым ходом к Моссо, потому как бутерброды могли кончиться, а на обед я уже точно опоздал.

На следующий день командира батальона вызвали в обком партии. Не знаю о чём там они беседовали с третьим секретарём Наиной Сергеевной, но едва его «Уазик» въехал на территорию батальона, как он, приоткрыв дверь, крикнул дежурному:

— Карапетяна ко мне, срочно!

А я как раз только что позавтракал и думал, чем бы теперь себя занять. Прибегает дежурный:

— Давай к комбату!

— А что там?

— Не знаю, сердитый, аж красный.

Бегу и думаю: «Что случилось? Вроде бы не успел я за последние сутки чего-то такого натворить». Захожу в штаб, а комбат в коридоре стоит и с парторгом, капитаном Тазиевым пререкается. Злой, как Керенский, когда тот в женском платье из революционного Петрограда убежал.

Увидев меня, парторг, опережая намерение комбата, показал мне рукой на свою дверь:

— Зайди ко мне.

Зашел, дверь не стал закрывать, сел на стул, жду.

Наконец, заходит товарищ капитан, плотно прикрывает за собой дверь. Садится на свое место и после минутной паузы спрашивает:

— Ну, как дела?

— Все нормально, пожимаю я плечами.

— Вчера у Кислицина совещание было?

— Нет, позавчера.

— Понятно. И что там?

— Он получил книги Брежнева, приказал пропагандировать их среди солдат.

— А ты что?

— Вас вчера не было, хотел с вами согласовать, думаю спектакль поставить по книге «Возрождение».

— Спектакль?! И решил послать телеграмму генеральному секретарю?

— А что тут такого, надо ведь его согласие иметь. Он ведь автор?!

— Нет, это ты хорошо придумал. А как ты вчера на почту попал, у тебя что, увольнительное было?

— Нет, не было. Я пошел на КПП, думаю, спрошу разрешения на полчаса отлучиться. А они там возились с печкой и не заметили меня. Я минут через двадцать уже в части был.

— Пешком?

— Ну, я быстро шел.

— Надо как-нибудь проверить, за какое время ты пешком до почты доберешься. Там не меньше часа ходьбы в одну сторону.

Молчу, поскольку ответить нечего.

— Да! Задал ты нам задачку. В обкоме комбату досталось. Видел, какой он злой вернулся?

— А что я такого натворил. Телеграмму послал. Ну и что?

— Ну ты ведь не своей бабушке посылал? Ладно, давай сейчас дуй на почту, там начальник что-то уточнить хочет.

— А его нет, он болен.

— Ты такое накуролесил, уж ему не до сенокоса теперь.

Капитан Тазиев достал из выдвижного ящика своего рабочего стола бланк увольнительной, написал мою фамилию и положил передо мной.

— Значит, так, теперь все действия согласовывать только со мной, ни одного самостоятельного шага. Понял!?

— Понял, товарищ капитан! — вскочил на ноги я.

Начальник почты, моложавый крепко сложенный мужчина, как увидел меня, так сразу и не спрашивая махнул мне рукой и, открыв дверь с надписью “Посторонним вход запрещён”, повёл меня по коридору. Зашли в небольшую комнату, с виду больше на каптёрку похожую.

Он достал из железного сейфа металлическую цветную коробочку из-под конфет, вытащил из нее пачку денег, отыскал среди десяти и двадцати пяти рублевых купюр одну мятую рублевую, протянул мне, затем полез в правый карман широких штанин, вытащил горсть монет, отсчитал пятнадцать копеек.

— Вы что, не хотите посылать телеграмму?

Начальник почты усмехнулся:

— Не хотим. Теперь уже поздно не хотеть. Если туда, — он показал рукой на потолок, — дойдёт, что мы заблокировали такую важную инициативу, знаешь, сколько голов полетит? Тебе то что, отслужил — и айда домой, а нам семьи кормить.

— Но вы же деньги обратно возвращаете.

— Телеграмму от имени обкома партии пошлём. Давай топай.

— Что мне теперь делать?

— Сиди и жди, — махнул он рукой.

3. Спектакль

А что ждать? Раз телеграмма отошлют, да ещё и от имени обкома партии, то и ежу понятно, что будет дан зеленый свет. Так что ждать некогда.

Я наскоро сделал набросок сценария. Вроде бы ничего получается. Попытался сохранить все диалоги, размышления автора. Два дня пыхтели с киномехаником, скачивали музыку из киноэпопеи «Освобождение», вернее, вой катюш и грохот танков, чтобы прохождение по залу солдат в полной экипировке натурально выглядело.

А тут и подоспело приглашение в обком партии. Вызвал комбат к себе и, пытаясь улыбаться, сообщил, чтобы я завтра к 9 часам утра прибыл к секретарю обкома партии Одинцовой Наине Сергеевне.

Без пяти девять застыл у двери, стою, как часовой. Присесть негде, это ещё полбеды, беда в том, что руки некуда деть, не на территории части ведь нахожусь, чтобы руки в брюки, шатаюсь, прохаживаться.

Но ровно без одной минуты девять появляется элегантная дама. Странно посмотрела на меня и заволновалась:

— Вы рано пришли, ведь Наина Сергеевна будет позже, к одиннадцати. Я сама об этом комбату сообщила.

Соображаю, чем занять эти два часа. В часть туда и обратно, не успею.

— Ну да ладно, — она нашла выход, — Наина Сергеевна этот вопрос поручила курировать Ивану Петровичу из орготдела. Я сейчас вас к нему отправлю. Вы не против?

Я в знак согласия радушно киваю головой. Прошли вместе в приёмную. Она, не скидывая легкое пальто, стоя, повернула телефонный аппарат к себе и стала накручивать диск:

— Вань, пришел солдатик... Я так и думала... Сейчас объясню.

Положила трубку и говорит

— На второй этаж спуститесь, в 214 кабинет.

Молодой человек по имени Иван Петрович, увидев меня, вскочил на ноги. Отработанным жестом, указал на стул и затараторил.

— Значит, докладываю, драматургу нашего театра уже поручено подготовить сценарий, а режиссеру подобрать актеров. Вы попозже встретитесь с ними, обсудите все действия спектакля, поделитесь своими соображениями. А когда начнут репетировать, то вас будем приглашать и ваши замечания обязательно учитывать.

Мне только и оставалось, что, сделав умное лицо, головой кивать да время от времени в его монолог вставлять по два слова — либо «да, конечно», либо «всё правильно», либо «очень хорошо».

Затем, почувствовав, что Ивану Петровичу больше нечего сказать, я решил взять инициативу на себя. Неторопливо встал, крепко пожал ему руку. И тоном учителя, который общается с двоечником, пытаюсь того подбодрить, сказал:

— Что ж, лиха беда начало, думаю, справимся.

— Должны, — вставая, подобострастно заверил Иван Петрович.

Через неделю встретился с драматургом, тот торопился куда-то, поэтому просто сунул мне готовый сценарий, страниц двести печатного текста. Мол, прочитаете, тогда и обстоятельно поговорим.

Попробовал я читать, вижу, не мое это дело, десять, пятнадцать страниц осилил и выдохся. Еще несколько дней подержал сценарий для приличия и вернул со словами, что замечаний нет, все классно.

И пару раз на репетиции, скучая и позёвывая, отсидел.

Но на премьере весь сиял. В зале ни одного свободного места, со снаги со всех фабрик и заводов, в партере торжественно разместился партийный актив во главе с тремя секретарями. В коридоре люди, те, кому не хватило места, стояли, переминаясь с ноги на ногу, в ожидании указаний. Телевидение, журналисты суетились, нарезая круги вокруг автора, сержанта батальона связи № 352. Только и слышно было: «Где режиссер?», «Кто режиссер?», «Вот он, вот он!»

Спектакль завершился, и меня пригласили на сцену. Три секретаря поднялись с мест, и вслед за ними встал на ноги весь зал. Полторы тысячи зрителей зачарованно смотрели на меня, аплодисменты нарастали, зал гудел, слышались крики «Браво, браво», телевидение лихорадочно снимало. В первых рядах сидели режиссер с драматургом, они, искоса поглядывая на секретарей, аплодировали громче всех.

ФОТОГРАФИЯ

Эта история случилась во второй половине двадцатого века, а если точнее, в 1982 году. Руководство Центрального комитета профсоюза работников культуры решило провести в Новосибирске для руководителей отделов и рядовых сотрудников семинар-совещание.

Для нас, относительно молодых, к коим я отношу тридцатилетних, ещё жаждущих экстрима и новых впечатлений, подобные поездки окрашивали прозу рабочих дней, добавляли в обыденную жизнь чиновника несколько капель поэзии, а потому, мы с особым наслаждением рвались в подобные командировки.

Итак, съехались в Новосибирск с полсотни молодых людей со всего Союза. Собрались в указанной гостинице, разместились, и принялись знакомиться. Не успел я расположиться, как в дверь по-

стучали, в комнату, не дожидаясь приглашения вошел, как потом выяснилось, мой коллега из Грузии.

— Дарагой мой, я давно ждал этой встречи, — вскричал он, — ты представляешь у моего брата есть друг армэнин, они так крепко дружат, что я ему всегда завидовал. Теперь и у меня будет друг- армэнин.

Он подошел, крепко сжал мою руку и потянул к себе, в свой номер, дверь оказалась распахнутой настежь и, заставленный продуктами стол, судя по всему, с нетерпением ждал дорогого гостя из Армении.

— Меня зовут Эдуард, а фамилия Багратиони... Да, да, он мой прапрапрадед, мы все такие воинственные. Я даже похож на него, то что рисуют, всякие картинки, это неправда, он точь-в-точь такой, как я. В нашем древнем роду все мы свято храним его образ. Даже, мой дед говорил: «Ты очень похож на великого предка». В армии я уже через полгода сержантом стал, три лычки имел.

Наконец он остановился, и я поспешил назвать себя, так как не было уверенности в том, что он вновь не заговорит и неизвестно когда остановится.

— Ваагн.

— А я Эдуард, давай садись.

И легко орудуя острым ножом, отрезал ломтик бастурмы, насадил на вилку и протянул мне.

Так началась наша дружба. На занятиях сидели рядом, всё свободное время проводили вместе. Но с третьего дня, он по вечерам стал пропадать.

Вскоре выяснилось, что ему приглянулась кокетка из Омска Светлана Островская, полногрудая высокая блондинка. К слову сказать, на полголовы выше Эдуарда, но это нисколько не коробило его. По вечерам они занимали один из углов многочисленных коридоров гостиницы и вели, вероятно, увлекательную беседу, так как расходились далеко за полночь. Эдуард делал робкие попытки затянуть её к себе в комнату, и уже в другой атмосфере продолжать романтическое общение, но Светлана оказалась стойкой девушкой, её больше устраивал простор и коридорный свежий воздух. Коллеги, посмеиваясь, шушукались, — Эдуард в Тбилиси не один отправится.

Уже в последний день за завтраком Светлана подошла к нашему столу и протянула мне свою визитку.

— Ваагн, вдруг окажетесь в наших краях, будет кому позвонить, — весело произнесла она, не обращая внимания на приунывшего Эдуарда.

И я тоже, изливаясь в чувствах благодарности, как подобает истинному джентльмену, предложил ей свою визитку, не очень-то представляя, как мой номер телефона может понадобиться жительнице

Омска. Но вслух заверил, преданно глядя в её удивительной глубины голубые глаза, мол если она окажется в Ереване, то может полностью на меня рассчитывать.

Её взволнованный голос из телефонной трубки, из далёкого Омска, тем не менее застал меня врасплох. Я отвечал на расспросы, о моём здоровье, о житье-бытье невпопад, пребывая в полном недоумении, пока Светлана не перешла к конкретному разговору.

В те времена особой популярностью пользовалась армянская обувь фирмы «Масис», вот они с подругой и решили подзаработать, приехать в Ереван за обувью. Напросилась в гости. Я не задумываясь ответил согласием, только попросил, хотя бы за неделю сообщить о приезде.

Тянуло позвонить в Тбилиси и обрадовать Эдуарда, но отказался от этой затеи, так как знал, что они не общаются, да и поймёт ли тот правильно, не был уверен. А вдруг устроит сцену ревности?

Через несколько дней новый звонок из Омска, Светлана, не растягивая разговор, сообщила дату прилёта в Ереван. Я в тот же день забронировал номер в гостинице, договорился с частными предпринимателями-обувщиками, чтобы они спустили и без того низкие цены, привлекающие любителей поиметь с этого выгоду со всего Советского Союза. Встретил девушек в аэропорту с букетиком цветов. Помог разместиться в гостинице.

Они остались довольны, моим приёмом. В первый же день, не особо торгуясь, мои гости накупили несколько мешков обуви и оставшиеся два дня, пребывая в хорошем настроении, провели в своё удовольствие посещая музеи и просто прогуливаясь по улицам красивого южного города, иногда в моём сопровождении. Уже перед отлётом, увидев на улице фотографа с обезьянкой, решили сфотографироваться на память, но от обезьянки отказались, заменили её моей персоной.

Через несколько дней я получил фотографии и отправил в Омск по почте, сохранив одну для себя.

Здесь я вынужден поставить точку и познакомить читателя с одной особенностью, имеющей место в нашей организации, потому как это связано с дальнейшим повествованием. Наша секретарша, лучезарная девушка по имени Лусинэ, пользуясь особым отношением остальных членов коллектива к её мини-юбке со стройными ножками, порхала между кабинетами как бабочка, и вносила в общий интерьер каждого кабинета изменения по своему вкусу. Переставляла цветочные горшки, меняла местами карты и картины, иногда сдвигала с места и рабочие столы, и никто не смел ей перечить; смеясь и подшучивая,

принимали её «указания». Распоряжалась и моим рабочим столом, время от времени передвигая телефоны, убирая папки, выуживая из нижнего выдвижного ящика моего стола приглянувшуюся ей фотографию и выставляя её напоказ.

Я, погруженный в свои мысли и дела, не всегда замечал эти изменения, вернее не обращал внимания.

А теперь продолжу рассказ, и мы вернемся к моему грузинскому другу. Расставшись в Новосибирске, мы не порвали наши отношения, созванивались, при возможности посылали друг другу подарки, в моем холодильнике не переводились грузинские деликатесы, за что я ему был очень благодарен. Я надеюсь, и мои посылки воспринимались адекватно с его стороны. Передавали при случае приветы и пожелания здравствовать и не болеть.

Однажды, спустя несколько лет, он позвонил мне и возбуждённым и радостным голосом заявил, что пора наконец-то нам встретиться и что он вместе со своими друзьями, намеревается приехать в Ереван.

Армяно-грузинская встреча, как писали бы журналисты в своих передовицах, если бы оказались с нами за одним столом, прошла в тёплой и дружеской обстановке.

Прямо с аэропорта, ещё до гостиницы, лица кавказской национальности заехали в придорожный ресторан, запах шашлыка которого не просто пьянил, а с ума сводил голодные желудки. Пили много, чередуя армянский и грузинский коньяк, который мои дальновидные гости привезли с собой.

Львиная доля тостов посвящалась, и это естественно, нашей дружбе с Эдуардом, искренней и бескорыстной, что, впрочем, соответствовало истине. Если возьмусь восстанавливать по памяти произнесённые тосты, то рассказ превратится в повесть, что в мои планы никак не входит, поэтому ограничусь только этим замечанием.

До гостиницы добрались уже далеко за полночь. В следующие дни мои гости отправились колесить по Армении, а по вечерам опять встречались и вновь шашлыки, тосты, армянский и грузинский коньяки. (Указываю армянский коньяк первым, исключительно ссылаясь на русский алфавит. Насколько помню там буква «А» занимает первую строчку, а буква «Г» где-то пониже.)

В последний день мои грузинские друзья решили посетить меня на работе, познакомиться с моими коллегами. В небольшом кабинете сгрудилось много народу, гости, перебивая друг друга, с упоением рассказывали работникам нашей организации, какой хороший у них коллега, а мои сотоварищи, чтобы не ударить в грязь лицом, рассказывали «пришельцам», какой замечательный у них друг.

Но я обратил внимание на Эдуарда — он, переступив порог моего кабинета, как-то посерьёзней, замкнулся, улыбка исчезла с его лица. Стараясь избегать моего взгляда, сосредоточенно рассматривал книги на книжной полке. Затем заинтересовался графиком проведения мероприятий и надолго застрял в нём. «Ему не терпится уйти, — с горечью думал я, глядя на его мрачное лицо, — неужели все застольные лобызания являлись лишь следствием алкогольного опьянения и спонтанного ажиотажа? Не хотелось бы в это верить».

Его мрачное настроение не могли не заметить и его друзья. Они почувствовали себя неловко, бросали вопросительные и укоряющие взгляды на Эдуарда, пытаясь осадить его и сгладить неловкую ситуацию, но он оставался твёрд и непреклонен в своём решении не менять показушно-задумчивого и мрачного образа.

Уже внизу, у автомобиля, Эдуард, не прощаясь, первым юркнул в салон и забрался подальше на заднее сиденье, чем окончательно испортил настроение и мне и своим друзьям. Они ступевались и укоротив “церемонию прощания”, торопливо расселись по своим местам. Дружно, но кисло улыбаясь, помахали мне ручкой. Автомобиль резко отъехал, обдав меня выхлопными газами горькой досады.

Постоял я, озадаченный странным поведением Эдуарда, и вернулся в здание профсоюзов. Медленно, останавливаясь на каждой ступеньке, с тяжелым сердцем поднимался я по лестнице на третий этаж.

«Что и говорить, — думал я, — настроение хуже некуда. А как хорошо начиналось. Понять бы ещё, что произошло? Почему он так поступил?»

Я прокручивал в голове все перипетии встречи, в поисках возможной причины, резкой смены настроения Эдуарда, но не находил.

Открыл дверь кабинета, зашёл и первое, что бросилось в глаза — фотография над моим рабочим столом на стене, которую на сей раз выбрала Лусинэ для всеобщего обозрения. На фото я в окружении девушек, они трепетно прижимаются ко мне, а у меня рот до ушей, весь сияю. И по правую руку от меня — не кто-нибудь, а та самая Светлана Островская, девушка из Омска, которую с таким упоением ласкал в своих мечтах мой, теперь уже бывший, друг Эдуард Багратиони, прапраправнук великого русского полководца.